

Сельское население России: субъективное благополучие и практики социально-экономического поведения¹

Д. М. Логинов

Дмитрий Михайлович Логинов, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра «Институт социального анализа и прогнозирования» ИПЭИ РАНХиГС. 119034 Москва, Пречистенская наб., 11, корп. 1.
E-mail: loginov-dm@ranepa.ru

Аннотация. На основе данных репрезентативного социологического опроса, реализованного ИНСАП РАНХиГС в 2023 году, рассмотрены показатели субъективного благополучия и жизненные практики сельского населения России. Актуальность предлагаемого анализа обусловлена как масштабами территориально-поселенческой дифференциации условий жизнедеятельности населения страны, так и особенностями настоящего социально-экономического контекста, формирующими риски снижения благополучия. В фокусе рассмотрения находятся различные аспекты удовлетворенности жизненными условиями и представления о динамике их изменений, практики потребительского и кредитно-сберегательного поведения, а также особенности социальных взаимодействий сельского населения. Результаты исследования иллюстрируют в целом достаточно благополучную ситуацию в отношении удовлетворенности сельских жителей своей жизнью, а в качестве проблемной зоны явным образом выделяется восприятие возможностей получения квалифицированной медицинской помощи. Эмоциональный фон жизни характеризуется тем, что около двух третей селян видят возможности самореализации, при этом регулярное ощущение тревоги и подавленности характеризует более половины опрошенных, однако в сильной степени — лишь каждого десятого. Важной особенностью потребительского поведения является массовая экономия, и около половины сельских жителей вынужденно базируются повседневные покупки на единственном основании — минимальной цене. При этом более половины сельских жителей используют интернет при осуществлении потребительских практик, в том числе каждый пятый — активно. Значительная часть населения поддерживает приемлемый уровень жизни в том числе за счет использования кредитно-сберегательных ресурсов, при этом выделяется значительная группа финансового риска. Субъектными группами, на представителей которых возлагаются наиболее массовые ожидания поддержки, являются представители «ближнего круга», а ожидания от институциональных образований — как государственных, так и общественных — кардинально сужены.

Ключевые слова: сельское население, сельские территории, субъективное благополучие, социальное самочувствие, уровень жизни, качество жизни, социально-экономическое поведение, социально-экономические практики, удовлетворенность жизнью, потребление, социальные взаимодействия

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-2-180-196

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Россия неоднородна: территориально-поселенческие различия, вследствие неравномерности инфраструктурного развития, традиционно являются крайне значимыми с точки зрения возможностей реализации продуктивных жизненных практик. Первая половина 2020-х годов оказалась периодом многоаспектной нестабильности, последствия которой ощутимы для всех социально-демографических групп населения, но проявляются для каждой из них в разной степени. Особенности жизнедеятельности россиян, проживающих в сельской местности, очевидно, актуализируют рассмотрение этой группы в качестве объекта исследования. Насколько высок уровень субъективного благополучия сельского населения страны? Какие проблемы являются наиболее значимыми и воспринимаются особенно остро? В какой степени потребительские возможности селян ограничены вследствие ресурсного дефицита и, напротив, расширяются в контексте развития цифровых технологий? Как можно оценить параметры кредитно-сберегательного поведения данной группы россиян? Насколько значим потенциал моральной и материальной поддержки сельского населения со стороны социального окружения? Для ответов на эти вопросы мы использовали результаты специального социологического исследования, реализованного в 2023 году по выборке, репрезентирующей взрослое население страны². Структура выборочной совокупности позволяет выделить для отдельного рассмотрения сегмент опрошенных, постоянно проживающих в сельской местности, и считать его представительным для данной территориально-поселенческой группы россиян.

Неравномерность пространственного развития России, в том числе в территориально-поселенческом отношении, является предметом многочисленных исследований (например, Зубаревич, 2009; Мартынов, 2018; Закшевский, Меренкова, 2019; Нефёдова, Стрелецкий, Трейвиш, 2022; Бобков, Долгушкин, Одинцова, 2023; Долгушкин, Одинцова, 2023). Сельские населенные пункты, по сравнению с городскими, под влиянием комплекса экономических и демографических процессов предстают территориями повышенных рисков неблагоприятия и ограниченных перспектив развития (Нефёдова, Трейвиш, 2010; Зубаревич, 2010). Комплексный анализ социально-экономических процессов, актуальных для сельской местности страны, иллюстрируют работы Т. Г. Нефёдовой и В. В. Пациорков-

2. Выборка для опроса, проведенного методом телефонного анкетирования, сформирована на основе случайной систематической стратификации номеров мобильных телефонов, которые сгенерированы по задействованным на территории России DEF-диапазонам. Диапазоны позволили таргетировать телефонные номера до субъектов РФ для создания территориальных страт. Распределение выборки по стратам рассчитано на основе данных Росстата о численности населения, проживающего на территории выделенных страт, на 1 января 2023 года. Объем выборочной совокупности проживающих в сельской местности, составил 480 респондентов, представляющих более 300 населенных пунктов, расположенных во всех Федеральных округах России.

ского. Авторами, в частности, раскрывается значимость проблем территориальной доступности важных элементов жизненной инфраструктуры и динамики социальной среды (Нефёдова, 2003, 2012), а также социальной дифференциации (Пациорковский, 2003, 2007).

Социально-экономические проблемы сельских территорий, в числе которых выделяются низкие доходы, проблемы трудоустройства и неразвитость образовательной инфраструктуры, затрагиваются в работе Л. В. Бондаренко (Бондаренко, 2016). Важным направлением исследований выступает специфика поведенческих практик селян в контексте социально-экономической турбулентности последних десятилетий, которая требует воспроизводства адаптационных практик, возможности реализации которых зачастую объективно затруднены (Великий, Мореханова, 2004; Нечипоренко, 2009; Шабанов, 2016; Логинов, 2020а). Социологические данные иллюстрируют также очевидные особенности в восприятии сельского населения кризиса, вызванного распространением коронавирусной пандемии (Латова, 2021; Логинов, 2020б).

Настроения и когнитивные оценки удовлетворенности сельского населения жизнью в целом и отдельными составляющими жизнедеятельности, лежащие в основе концепции субъективного благополучия (Diener, 2000; Diener, Biswas-Diener, 2008), также являются предметом исследовательского внимания. Необходимо отметить работу, в которой на обширном эмпирическом материале Российского мониторинга здоровья и экономического положения населения исследуется уровень влияния различных факторов на субъективное благополучие сельского населения России в период 2010-х годов (Сарайкин и др., 2023). Авторами делается вывод о необходимости учитывать мнения и настроения сельских жителей при разработке и анализе результатов управленческих решений, направленных на развитие сельских территорий, а также реализуется сравнительная оценка факторов, влияющих на субъективное благополучие селян, которое отнюдь не линейно связано с показателями материальной обеспеченности. Важной тенденцией, во многом определяющей качество жизни, является трансформация сельского расселения, в виде максимизации числа мельчайших населенных пунктов (Зубаревич, 2013; Алексеев, Сафронов, 2015), что определяет рекомпозицию инфраструктурной обеспеченности. При этом что жители сельских поселений могут иметь лучшие возможности жизнедеятельности по некоторым важным параметрам (в частности, связанным с экологической обстановкой и социально-психологической коммуникативной средой) (Шабанов, 2020; Касаткина, 2023), удовлетворенность жизнью селян по сравнению с горожанами сравнительно низка (Ласточкина, 2012).

В контексте отмеченных тенденций выявление особенностей и продуктивности социально-экономических практик, реализуемых сельским населением на современном этапе развития страны, представляется особенно интересным.

Субъективное благополучие населения — многоаспектная категория, и его измерение может быть реализовано на основе широкого комплекса различных индикативных самооценок. Анализ субъективного благополучия сельских жителей проведен нами на двух уровнях: ключевыми индикаторами выступают уровень удовлетворенности жизнью в целом, а также восприятие отдельных аспектов жизнедеятельности.

Результаты исследования иллюстрируют достаточно благополучную ситуацию в отношении обобщенных самооценок сельских жителей своей жизнью. Так, 53% опрошенных заявили о том, что в целом они удовлетворены тем, как они живут, еще четверть отметили, что скорее удовлетворены этим.

При рассмотрении восприятия различных аспектов жизнедеятельности видно, что наполненность группы положительных оценок, за единственным исключением, превышает две трети опрошенных. Наибольший уровень удовлетворенности характеризует сферу внутрисемейных отношений. В число наиболее благополучных сфер также входят уровень безопасности в населенном пункте проживания и уровень имеющихся жилищных условий. Возможность получения квалифицированной медицинской помощи явным образом выделяется в качестве проблемной зоны: лишь менее трети сельских жителей высказывают удовлетворенность имеющимися возможностями в этом отношении, а 37% полагают их очевидно недостаточными (рис. 1).

Рисунок 1. Уровень удовлетворенности различными аспектами жизнедеятельности, %

Оценивая ретроспективную динамику качества жизни за прошедший год, 20% опрошенных заявили об ухудшении, но каждый

четвертый отметил позитивные изменения. Оптимистический настрой на то, что жизнь в целом в ближайшей перспективе улучшится, наблюдается у 29% опрошенных, тогда как ухудшение собственного положения предполагают представители вдвое меньшей по численности группы. Притом что около половины сельских жителей надеются на стабильность своего положения, обращает на себя внимание достаточно высокий уровень неопределенности: каждый восьмой из опрошенных затруднился оценить наиболее вероятный вектор предстоящих изменений (рис. 2).

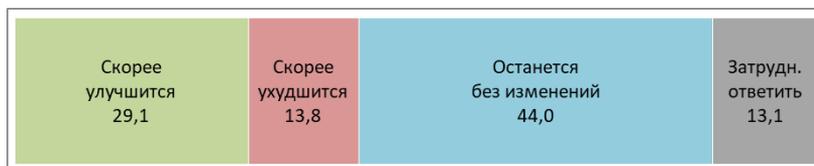

Рисунок 2. Ожидаемая динамика условий и качества жизни на горизонте ближайшего года, %

Важной характеристикой субъективного благополучия является восприятие имеющихся возможностей самореализации. Как можно предполагать, самоощущение в отношении таких возможностей можно считать как индикатором эмоциональной стабильности, так и катализатором реализации населением продуктивных социально-экономических практик, способствующих поддержанию приемлемого уровня благосостояния и его повышению. Полученные данные свидетельствуют, что наличие возможностей реализации собственных способностей и устремлений отмечают 63% опрошенных.

Более половины сельских жителей регулярно испытывают чувство тревоги или подавленности, что свидетельствует о достаточно массовом эмоциональном негативе, явным образом влияющем на субъективное благополучие населения. При этом сильная тревога или подавленность актуальна только для 11% опрошенных, а у 43% данные эмоции присутствуют в достаточно умеренной степени.

Практики потребительского поведения

Реализуемые практики потребительского поведения в значительной степени определяются условиями социально-экономического контекста. В первую очередь необходимо отметить общую ограниченность располагаемых финансовых средств, следствием которой является объективная невозможность для большинства сельского населения распространять потребление за пределы минимально достаточного сегмента продуктов питания, предметов одежды и жилищно-коммунальных услуг. Во-вторых, на протя-

жении длительного времени, начиная с середины 2010-х годов, реализовался ряд макрорисков, объективизирующих сокращение доходов групп населения на фоне снижения их уверенности в будущем благополучии. Третье обстоятельство связано с территориально-поселенческой неоднородностью развития инфраструктуры, традиционно определяющее дисбаланс потребительских возможностей между жителями крупных городов и небольших населенных пунктов.

В сложившихся условиях массовые группы сельского населения актуализировали паттерн потребительской экономии. Более двух третей опрошенных (68%) сообщили, что на протяжении прошедшего года они вынужденно отказывались от приобретения необходимых и ранее покупаемых товаров, либо приобретали их более дешевые аналоги. Очевидно, что наиболее значительным издержкам в потребительской сфере оказались подвержены представители групп, имеющих явные материальные ограничения. При этом важно отметить, что отмеченная вынужденная экономия массово характеризует и тех, чей материальный статус соответствует средним значениям.

Полученные данные позволяют типологизировать сельское население в составе двух групп, имеющих принципиальные различия в практиках обычно воспроизводимого потребительского поведения. Представители первой группы, составляющей немногим более половины опрошенных (55%), при формировании регулярной «потребительской корзины» обладают некоторыми возможностями выбора, основанного на потребительских свойствах приобретаемых товаров и собственных субъективных предпочтений. Сельские жители, включенные во вторую группу (45%), вынужденно базируются на ежедневные покупки на единственном основании, выбирая наиболее дешевые товары из доступного ассортимента с целью максимальной экономии имеющихся средств. Притом что группа предельно экономного потребления составляет относительное меньшинство, масштабность распространения подобных практик представляется существенной проблемой в контексте благополучия сельского населения страны.

Важной характеристикой потребительских практик населения является уровень его включенности в сегменты онлайн-потребления. Воспроизводство подобных поведенческих моделей представляется значимым как с точки зрения широты доступной товарной номенклатуры и, соответственно, повышения качества потребления, так и в контексте эмоционального комфорта, связанного с удобным и постоянно совершенствующимся форматом взаимодействий с продавцами и производителями услуг. Результаты исследования свидетельствуют о том, что более половины сельских жителей используют Интернет при осуществлении потребительских практик, в том числе свыше 20% используют его часто (рис. 3).

Рисунок 3. Использование Интернета при приобретении товаров и получении услуг, %

Рассматривая формы включенности населения в онлайн-потребление, отметим массовую распространенность использования интернет-коммуникаций при приобретении непродовольственных товаров и получении необходимых услуг. Возможности заказа продуктов питания и готовой еды в сельской местности используются существенно реже (рис. 4).

Рисунок 4. Формы использования интернета в потребительских практиках, %, допускалось несколько ответов

Кредитно-сберегательное поведение

Как показывают результаты исследования, значительная часть сельского населения страны поддерживает приемлемый уровень жизни и микширует риски снижения благополучия за счет использования кредитно-сберегательных ресурсов. В актуальный временной период сколь-либо значимые сбережения имеют немногим более трети опрошенных (рис. 5). При этом отмечается однозначно негативная динамика сберегательной обеспеченности: о сокращении объема имевшейся ранее «подушки безопасности» свидетельствуют 26% опрошенных, а о ее увеличении — лишь 11%. При этом оптимистичные ожидания относительно собственных возможностей откладывать часть доходов с целью формирования или пополнения объема сбережений в ближайшем будущем декларируют менее 30% сельского населения.

Теперь рассмотрим показатели кредитного обременения. Около 30% опрошенных рассказали, что на ретроспективном годовом горизонте они обращались к кредитным ресурсам для решения временных финансовых проблем и поддержания приемлемого уровня жизни. О наличии актуальной кредитной нагрузки на бюджет домохозяйства заявили 40% опрошенных.

Рисунок 5. Сберегательные возможности, %

Данные о факте наличия кредитов и самооценке трудностей с их погашением дают возможность классифицировать сельское население страны по уровням кредитного обременения. Об отсутствии кредитной нагрузки заявляют 60% опрошенных. Низкий уровень обременения (наличие кредитов, обслуживание которых практически не вызывает трудностей) соответствует ситуации каждого десятого. Средний уровень, когда обслуживание имеющихся кредитов сопряжено с заметными сложностями, относится к 17% селян. Высокая кредитная нагрузка, при которой необходимые выплаты вызывают критичные проблемы и/или уже присутствуют существенные просрочки погашения, отвечает ситуации 12% опрошенных (рис. 6).

Рисунок 6. Уровень кредитного обременения, %

Исходя из данных по владению сбережениями и наличию актуальных кредитов можно типологизировать население по группам кредитно-сберегательного поведения:

— Группа финансовой активности, для представителей которой характерно одновременное наличие как кредитов, так и сбережений, — 13% сельского населения.

— Финансово-благополучная группа, в которой отмечается наличие хотя бы минимальных сбережений, сопряженное с отсутствием кредитной нагрузки, — 25%.

— Группа финансового риска — часть населения, ориентированная (часто вынужденно) на потребительское поведение, выходящее за рамки собственных финансовых возможностей; для этой группы характерно наличие кредитов при отсутствии сбережений — 27%.

— Финансово-пассивная группа, у представителей которой отсутствуют как сбережения, так и кредиты, — 35%.

Вполне закономерно, что наполненность группы разнонаправленной финансовой активности наиболее высока среди молодежи

и минимальна в группе населения старше 55 лет (соответственно, 25% и 7% опрошенных). Представители когорты старшего возраста при этом несколько чаще прочих демонстрируют финансовую пассивность, не реализуя ни сберегательные, ни кредитные практики. Ситуация финансового риска чаще встречается и численно преобладает над другими типами кредитно-сберегательного поведения среди представителей домохозяйств, в составе которых имеются несовершеннолетние дети (37% опрошенных). Представители домохозяйств, в которых все члены имеют оплачиваемую работу, чаще относятся к финансово благополучному типу кредитно-сберегательного поведения. Очевидно, что уровень материального статуса существенно дифференцирует сельских жителей по типам кредитно-сберегательного поведения. Так, обладающие материальным статусом, не достигающим среднего уровня, сравнительно часто относятся к группе финансового риска и существенно ограничены в возможностях реализации практик, предполагающих наличие сбережений. При этом в составе благополучной в материальном отношении группы разнонаправленная финансовая активность отмечается кратно чаще, а наличие кредитов при отсутствии сбережений характеризует лишь немногим более 15% опрошенных.

Социальные взаимодействия

Эмоциональный и ментальный жизненный комфорт в значительной степени определяется наличием среды доверительного общения, и более 90% россиян, проживающих в сельских населенных пунктах, отметили наличие партнеров по доверительному общению среди близких друзей, родственников, коллег и прочих представителей референтной среды. При этом значительный круг близкого общения, размер которого превышает одного-двух человек, характеризует только 40% опрошенных (рис. 7). Высокий уровень доверительных социальных контактов в наибольшей степени характеризует представителей когорты старше 55-летнего возраста, а также тех, чье материальное положение является достаточно благополучным: в составе данных групп значительный круг доверительного общения представлен, соответственно, 47% и 45% опрошенных.

Рисунок 7. Характеристика круга доверительного общения, %

Подавляющее большинство опрошенных заявили, что их отношения с близкими людьми (родственниками и друзьями) за последний год не претерпели существенных изменений. При этом улучшение отношений отметили 15%, а ухудшение — лишь 4%. Наиболее стабильные межличностные отношения отмечаются у представителей старшей когорты. Позитивная динамика качества коммуникационных взаимодействий в наибольшей степени характеризует представителей молодежной когорты, а также тех сельских жителей, которые имеют сравнительно высокие показатели материальной обеспеченности.

Рассматривая показатели доверия сельского населения в системе персональных и институциональных связей, мы можем отметить его высокий уровень в отношении родственников и друзей. К государственным институтам доверие существенно ниже — так, правоохранительным органам доверяют менее половины опрошенных. Важно отметить также крайне невысокий уровень доверия (лишь немного превышающий треть рассматриваемой группы населения), которым характеризуется информация, представляемая официальными СМИ (рис. 8).

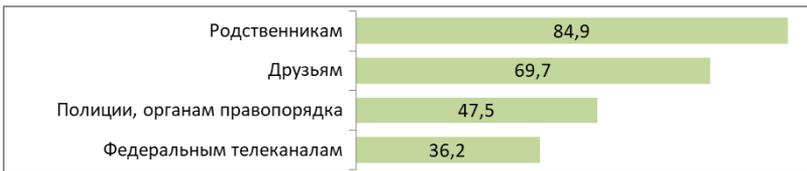

Рисунок 8. Уровень межличностного и институционального доверия, % ответов «скорее доверяю»

Рассмотрим динамику декларируемого доверия за пределами «ближнего круга» родственно-дружеского общения. Результаты исследования свидетельствуют о том, что на годовом ретроспективном горизонте 18% опрошенных стали доверять окружающим меньше, тогда как позитивная динамика доверия характеризует лишь 4% сельских жителей. В наибольшей мере падение доверия произошло среди молодежи (наполненность соответствующей группы среди респондентов до 35 лет составляет 25%), тогда как представители старшей возрастной когорты в наименьшей степени демонстрируют негативную динамику социального доверия. Также заметно чаще отмечают факт снижения доверия людям, не входящим в «ближний круг», сельские жители с низким благосостоянием.

Рассмотрим уровень потенциально ресурсных социальных взаимодействий сельского населения, который показывает, каков и насколько широк набор социальных групп, на помощь которых в трудной ситуации могут рассчитывать россияне. Результаты ис-

следования показывают, что сельские жители в наибольшей степени готовы ожидать помощи от родственников (77%) и друзей (58%). На представителей более дальних «социальных кругов» рассчитывают существенно меньшее число граждан: на коллег, по собственной оценке, могут полагаться 32%, на государственные органы — 31%, а на общественные организации — только 20%. Восприятие представителей сетевых интернет-сообществ в качестве действенного субъекта помощи и поддержки выражено лишь в минимальной степени (рис. 9).

Рисунок 9. Субъектные группы, воспринимаемые потенциальными акторами помощи и поддержки в случае необходимости (допускалось несколько ответов), %

Суммирование количества субъектных групп (из шести выделенных в исследовании и обозначенных выше), воспринимаемых проживающими в сельских населенных пунктах в качестве потенциальных акторов помощи и поддержки, позволяет определить уровень широты ресурсных социальных взаимодействий. Отсутствие субъектов, воспринимаемых потенциальными ресурсными донорами, характеризует 12% опрошенных. Высокий уровень, то есть предполагаемые возможности результативного обращения к представителям четырех и более общественных подсистем, отвечает представлениям 20% опрошенных (рис. 10).

Рисунок 10. Уровень потенциально ресурсных социальных взаимодействий (число социальных групп, воспринимаемых субъектами предоставления помощи и поддержки, в случае необходимости), %

В каждой более старшей когорте уровень потенциально ресурсных социальных взаимодействий заметно снижается, отражая сокращение возможностей получения помощи и поддержки.

Так, в группе молодежи, обладающей максимальным ресурсным потенциалом рассматриваемой категории, превышение среднего значения характеризует 49%, тогда как среди когорты старше 55 лет — только треть опрошенных. Отмечается также влияние фактора занятости: в домохозяйствах, где много неработающих (или вовсе не работает никто из членов семьи), наблюдается пониженный потенциал рассматриваемых ресурсных возможностей. Существенным фактором дифференциации выступает показатель материальной обеспеченности: в группе сравнительно высокого финансового статуса доля обладающих потенциалом социальных взаимодействий, превышающим средний уровень, составляет около 55% опрошенных.

Формы потенциально ожидаемой помощи со стороны социального окружения достаточно разнообразны. Большинство опрошенных (70%) предполагают, что социальное окружение в случае необходимости может предоставить им финансовую помощь, в некоторых случаях — в том числе и на невозвратных основаниях. Несколько реже видом потенциальной поддержки выступает помощь в поиске специалистов, необходимых для решения вопросов, связанных с лечением членов семьи или получением ими образования (отметили 56% респондентов). Около 40% сельских жителей в случае необходимости надеются на помощь от социального окружения при трудоустройстве.

Основные выводы

Проведенное исследование показывает, что субъективное восприятие представителями сельского населения страны большинства аспектов собственной жизни, за пределами прямой оценки уровня располагаемых доходов (внутрисемейных отношений, практик проведения досуга, экологической ситуации и уровня безопасности в населенном пункте проживания, а также жилищных условий) имеет выражено позитивный характер. Из полученных результатов можно сделать вывод о том, что социальное самочувствие рассматриваемой группы населения, на основе закрепления нормальности имеющихся условий жизнедеятельности по широкому набору параметров, представляется вполне благополучным. Явным исключением выступает восприятие возможностей получения квалифицированной медицинской помощи, которое иллюстрирует существенную проблему — в этом отношении доля негативных оценок превышает треть, и соответствующая группа является среди сельского населения страны наиболее массовой. В контексте социального самочувствия важно также отметить, что более половины сельских жителей регулярно испытывают тревогу и подавленность, однако в большинстве случаев данный негативный эмоциональный фон является достаточно умеренным. На общем фоне стабили-

зационно-позитивных ожиданий жизненной динамики на краткосрочном (годовом) горизонте выделяется достаточно значительная группа (около 15% опрошенных), представители которой предполагают негативные изменения условий жизнедеятельности.

Анализ моделей потребительского поведения иллюстрирует массовую актуализацию паттерна вынужденной экономии. Потребительские возможности сельского населения явным образом ограничены, и эти ограничения массово затрагивают в том числе и тех, чей материальный статус не является минимальным и достигает средних значений. С точки зрения повседневных потребительских практик важно отметить, что немногим менее половины проживающих в сельской местности практически всегда приобретают самые дешевые товары, не рассматривая более привлекательные альтернативы в случае их более высокой стоимости.

Использование интернета и включенность в онлайн-потребление товаров и услуг сохраняет достаточно широкую распространенность в период стабилизации эпидемиологической обстановки и снятия ограничений личных коммуникаций, связанных с пандемией коронавируса. Результаты исследования свидетельствуют о том, что более половины сельских жителей воспроизводят расширенные потребительские практики на основе использования онлайн-технологий, в том числе для 21% подобные практики являются регулярными. Наиболее массовые группы сельского населения (в каждом случае — более 40%) используют интернет при получении необходимых услуг и приобретении непродовольственных товаров.

Выявленные особенности кредитно-сберегательного поведения иллюстрируют негативную динамику сберегательных возможностей, и в актуальный временной период сколь-либо значимой «подушкой финансовой безопасности» обладают немногим более трети опрошенных. Кредитная нагрузка на бюджет домохозяйства характеризует 40% сельских жителей, при этом для трети данная нагрузка является значительной. Типология кредитно-сберегательного поведения демонстрирует, что самая благополучная группа, представители которой обладают сбережениями и не имеют кредитов, составляет четверть опрошенных. Сопоставимая доля сельских жителей включена в сегмент финансового риска, имея актуальные обязательства без даже минимальных сберегательных резервов. Низкие показатели материальной обеспеченности и наличие в домохозяйстве несовершеннолетних детей являются факторами, существенно расширяющими перспективы вхождения в группу кредитно-сберегательного неблагополучия.

Возможности поддержания приемлемого образа жизни и эмоционального фона в сельской местности в значительной степени связаны с социальным окружением. Более 90% опрошенных отмечают наличие партнеров по доверительному общению, с которыми можно поделиться мыслями и переживаниями, получив соучастие и эмоциональную поддержку. При этом самооценка динамики

отношений с близкими людьми имеет выражено позитивный характер, а декларируемый уровень доверия к ним достаточно высок. На фоне стабильно-благополучной системы межличностных отношений в крайне ограниченном сегменте близких родственно-дружеских контактов, опасения вызывает негативная динамика социального доверия за пределами «ближнего круга». Важно отметить, что большинство сельского населения имеет значимый потенциал социальных взаимодействий, который, согласно ожиданиям, в случае потребности может быть реализован в необходимую помощь. Субъектными группами, на представителей которой возлагаются наиболее массовые надежды в потенциально трудной жизненной ситуации, ожидаемо являются родственники и в несколько меньшей степени — друзья. При этом ожидания от институциональных образований — как государственных, так и общественных — кардинально сужены. Уязвимыми группами с точки зрения потенциала помощи в системе социальных взаимодействий являются представители старшей когорты, а также сельские жители, имеющие низкий уровень материальной обеспеченности.

Библиография

- Алексеев А. И., Сафронов С. Г. (2015). Изменение сельского расселения в России в конце XX — начале XXI века // Вестник Московского университета. Серия 5: География. № 2. С. 66-76.
- Бобков В. Н., Долгушкин Н. К., Одинцова Е. В. (2023). Неравенство человеческого потенциала и условий его реализации в городе и на селе: риски и возможности // Вестник Российской академии наук. Т. 93. № 6. С. 556-565.
- Бондаренко Л. В. (2016). Развитие сельских территорий России: оценки, мнения, ожидания // Социологические исследования. № 3(383). С. 76-82.
- Великий П. П., Мореханова М. Ю. (2004). Адаптивный потенциал сельского социума // Социологические исследования. № 12(248). С. 55-64.
- Долгушкин Н. К., Одинцова Е. В. (2023). Особенности имущественной обеспеченности семей с детьми в городе и на селе // АПК: экономика, управление. № 9. С. 107-116.
- Закшевский В. Г., Меренкова И. Н. (2019). Социально-экономические условия формирования человеческого капитала сельских территорий // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. № 4(49). С. 2-8.
- Зубаревич Н. В. (2009). Территориальный ракурс модернизации // SPERO. Социальная Политика: Экспертиза. Рекомендации. Обзоры. № 10. С. 33-54.
- Зубаревич Н. В. (2010). Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала // Общественные науки и современность. № 5. С. 5-19.
- Зубаревич Н. В. (2013). Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 3. С. 26-38.
- Касаткина Н. П. (2023). Удовлетворенность работой и субъективное благополучие жителей села // Социальные нормы и практики. № 3(9). С. 25-35.
- Ласточкина М. А. (2012). Факторы удовлетворенности жизнью: оценка и эмпирический анализ // Проблемы прогнозирования. № 5(134). С. 132-141.
- Латова Н. В. (2021). Ситуация в стране и перспективы ее развития через призму общественного мнения в период пандемии // Социологические исследования. № 4. С. 37-49.

- Логинов Д. М. (2020а). Как российское население пережило кризис второй половины 2010-х годов // Вопросы экономики. № 12. С. 41-61.
- Логинов Д. М. (2020б). Социальное самочувствие российского населения в период острой фазы эпидемиологического кризиса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6(160). С. 470-487.
- Мартынов В. Л. (2018). «Четыре стороны России»: основные тенденции макрорегионально-го развития // Псковский регионологический журнал. № 4(36). С. 3-19.
- Нефёдова Т. Г. (2003). Сельская Россия на перепутье: Географические очерки / Российская академия наук. Институт географии. М.: Новое издательство.
- Нефёдова Т. Г. (2012). Основные тенденции изменения социально-экономического пространства сельской России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 3. С. 5-21.
- Нефёдова Т. Г., Стрелецкий В. Н., Трейвиш А. И. (2022). Поляризация социально-экономического пространства современной России: причины, направления и последствия // Вестник Российской академии наук. Т. 92. № 6. С. 551-563.
- Нефёдова Т. Г., Трейвиш А. И. (2010). Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования. № 2(28). С. 42-57.
- Нечипоренко О. В. (2009). Сельское население и реформы аграрной сферы: адаптация или деградация? // Социологические исследования. № 6(302). С. 57-66.
- Пациорковский В. В. (2003). Сельская Россия: 1991–2001 гг. / Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН. М.: Финансы и статистика.
- Пациорковский В. В. (2007). Сельская Россия: проблемы и перспективы // Социологические исследования. № 1(273). С. 90-99.
- Сарайкин В. А., Никулина Ю. Н., Янбых Р. Г. (2023). Субъективное благополучие сельских жителей в России: факторы и их значимость // Экономическая социология. Т. 24. № 1. С. 71-105.
- Шабанов В. Л. (2016). Уровень жизни сельского населения России в условиях социально-экономической трансформации села: методология исследования и анализ динамики. Саратов: Саратовский источник.
- Шабанов В. Л. (2020). Качество жизни сельского и городского населения России: сравнительный анализ отдельных аспектов // Теория и практика общественного развития. № 10(152). С. 13-17.
- Diener E. (2000). Subjective well-being: The science of happiness and a proposal for a national index // American Psychologist. № 55(1). P. 34-43.
- Diener E., Biswas-Diener R. (2008). Happiness: unlocking the mysteries of psychological wealth. Malden, MA: Wiley-Blackwell.

Russia's rural population: Subjective well-being and social-economic practices

Dmitry M. Loginov, PhD (Economics), Senior Researcher, Institute of Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prechistenskaya Nab., 11, bldg. 1, Moscow, 119034, Russia.
E-mail: loginov-dm@ranepa.ru

Abstract. Based on the data of the representative sociological survey conducted by the Institute of Social Analysis and Forecasting in 2023, the author considers indicators of subjective well-being and life practices of Russia's rural population. The relevance of the suggested analysis is determined by the scale of territorial and settlement differentiation in living standards and by the current social-economic risks of decreasing well-being. The author focuses on various aspects of life satisfaction and on the ideas about

their dynamics, consumer and credit-savings behavior and features of rural social interactions. The survey results show a generally favorable situation regarding the villagers' life satisfaction, but the problem zone is possibilities of getting qualified medical help. In the emotional perspective, two thirds of villagers see opportunities for self-realization, while a half regularly feel anxiety and depression, and every tenth suffers from them the most. The important feature of consumer behavior is that half of rural population is forced to shop at minimum prices. More than half of rural respondents use the Internet for consumer practices, and every fifth does it very actively. Some villagers ensure the acceptable quality of life with credits and savings, and there is a significant group of financial risk. The majority considers as the main source of support their "close social circle" since there are extremely low expectations from institutions — both state and public.

Key words: rural population, rural territories, subjective well-being, social well-being, standard of living, quality of life, social-economic behavior, social-economic practices, life satisfaction, consumption, social interactions

References

- Alekseev A. I., Safronov S. G. (2015) *Izmenenie selskogo rasseleniya v Rossii v kontse XX — nachale XXI veka* [Changes in Russia's rural settlement patterns in in the late 20th — early 21st centuries]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 2, pp. 66–76.
- Bobkov V. N., Dolgushkin N. K., Odintsova E. V. (2023) *Neravenstvo chelovecheskogo potentsiala i usloviya ego realizatsii v gorode i na sele: riski i vozmozhnosti* [Inequality of human potential and conditions for its realization in urban and rural areas: Risks and opportunities]. *Vestnik RAN*, vol. 93, no 6, pp. 556–565.
- Bondarenko L. V. (2016) *Razvitie selskih territoriy Rossii: otsenki, mneniya, ozhidaniya* [Development of Russia's rural territories: Estimates, opinions, expectations]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 3, pp. 76–82.
- Diener E. (2000) Subjective well-being: The science of happiness and a proposal for a national index. *American Psychologist*, vol. 55, no 1, pp. 34–43.
- Diener E., Biswas-Diener R. (2008) *Happiness: Unlocking the Mysteries of Psychological Wealth*, Malden: Wiley-Blackwell.
- Dolgushkin N. K., Odintsova E. V. (2023) *Osobennosti imushchestvennoi obespechennosti semei s detmi v gorode i na sele* [Material well-being of families with children in urban and rural areas]. *APK: Ekonomika, Upravlenie*, no 9, pp. 107–116.
- Kasatkina N. P. (2023) *Udovletvorennost' rabotoi i sub`ektivnoe blagopoluchie zhitel'ei sela* [Job satisfaction and subjective well-being of villagers]. *Sotsialnye Normy i Praktiki*, no 3, pp. 25–35.
- Lastochkina M. A. (2012) *Faktory udovletvorennosti zhizniyu: otsenka i empiricheskiy analiz* [Factors of life satisfaction: Assessment and empirical analysis]. *Problemy Prognozirovaniya*, no 5, pp. 132–141.
- Latova N. V. (2021) *Situatsiya v strane i perspektivy ee razvitiya cherez prizmu obshchestvennogo mneniya v period pandemii* [Situation in the country and its prospects in the public opinion under the pandemic]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 4, pp. 37–49.
- Loginov D. M. (2020a) *Kak rossiiskoe naselenie perezhilo krizis vtoroj poloviny 2010-h godov* [How the Russian population went through the crisis of the second half of the 2010s]. *Voprosy Ekonomiki*, no 12, pp. 41–61.
- Loginov D. M. (2020b) *Sotsial'noe samochuvstvie rossiiskogo naseleniya v period ostroi fazy epidemiologicheskogo krizisa* [Social well-being of the Russian population in the acute stage of the epidemiological crisis]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*, no 6, pp. 470–487.

- Martynov V. L. (2018) "Chetyre storony Rossii": osnovnye tendentsii makroregionalnogo razvitiya ["Four sides of Russia": Main trends of macroregional development]. *Pskovskiy Regionologicheskyy Zhurnal*, no 4, pp. 3–19.
- Nefedova T. G. (2003) *Selskaya Rossiya na pereputie: Geograficheskie ocherki* [Rural Russia at the Crossroads: Geographical Essays], Moscow: Novoe izdatelstvo.
- Nefedova T. G. (2012) Osnovnye tendentsii izmeneniya sotsialno-ekonomicheskogo prostranstva selskoi Rossii [Main trends of change in the social-economic space of rural Russia]. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*, no 3, pp. 5–21.
- Nefedova T. G., Streletsky V. N., Treivish A. I. (2022) Polyarizatsiya sotsialno-ekonomicheskogo prostranstva sovremennoj Rossii: prichiny, napravleniya i posledstviya [Polarization of the social-economic space of contemporary Russia: Causes, directions and consequences]. *Vestnik RAN*, vol. 92, no 6, pp. 551–563.
- Nefedova T. G., Treivish A. I. (2010) Goroda i selskaya mestnost: sostoyanie i sootnoshenie v prostranstve Rossii [Cities and countryside: Their state and relationship in Russia's space]. *Regionalnye Issledovaniya*, no 2, pp. 42–57.
- Nechiporenko O. V. (2009) Selskoe naselenie i reformy agrarnoi sfery: adaptatsiya ili degradatsiya? [Rural population and agrarian reforms: Adaptation or degradation?]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 6, pp. 57–66.
- Patsiorkovskiy V. V. (2003) *Selskaya Rossiya: 1991–2001 gg.* [Rural Russia: 1991–2001], Moscow: Izd-vo "Finansy i statistika".
- Patsiorkovskiy V. V. (2007) Selskaya Rossiya: problemy i perspektivy [Rural Russia: Problems and prospects]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 1, pp. 90–99.
- Saraikin V. A., Nikulina Yu. N., Yanbykh R. G. (2023) Sub`ektivnoe blagopoluchie selskikh zhitelei v Rossii: faktory i ih znachimost [Subjective well-being of rural dwellers in Russia: Factors and their significance]. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 24, no 1, pp. 71–105.
- Shabanov V. L. (2016) *Uroven zhizni selskogo naseleniya Rossii v usloviyah sotsialno-ekonomicheskoy transformatsii sela: metodologiya issledovaniya i analiz dinamiki* [Standard of living of the Russian rural population under the social-economic transformation of rural areas: Research methodology and analysis of dynamics], Saratov: Izd-vo "Saratovskiy istochnik".
- Shabanov V. L. (2020) Kachestvo zhizni selskogo i gorodskogo naseleniya Rossii: sravnitelnyy analiz otdelnykh aspektov [Life quality of the Russian rural and urban population: Comparative analysis of some aspects]. *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*, no 10, pp. 13–17.
- Veliky P. P., Morekhanova M. U. (2004) Adaptivnyy potentsial selskogo sotsiuma [Adaptive potential of rural society]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 12, pp. 55–64.
- Zakshevskiy V. G., Merenkova I. N. (2019) Sotsialno-ekonomicheskie usloviya formirovaniya chelovecheskogo kapitala selskikh territoriy [Social-economic conditions for the formation of human capital in rural areas]. *Ekonomika, Trud, Upravlenie v Selskom Khozyaistve*, no 4, pp. 2–8.
- Zubarevich N. V. (2009) Territorialnyy rakurs modernizatsii [The regional aspect of modernization]. *SPERO*, no 10, pp. 33–54.
- Zubarevich N. V. (2010) Goroda kak tsentry modernizatsii ekonomiki i chelovecheskogo kapitala [Cities as centers of modernization of economy and human capital]. *Obshchestvennyye Nauki i Sovremennost*, no 5, pp. 5–19.
- Zubarevich N. V. (2013) Transformatsiya selskogo rasseleniya i seti uslug v selskoi mestnosti [Transformation of the rural settlement pattern and service network in rural areas]. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*, no 3, pp. 26–38.